

Свѣтлячокъ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 23

„Пойдемъ, покатаемся!“...

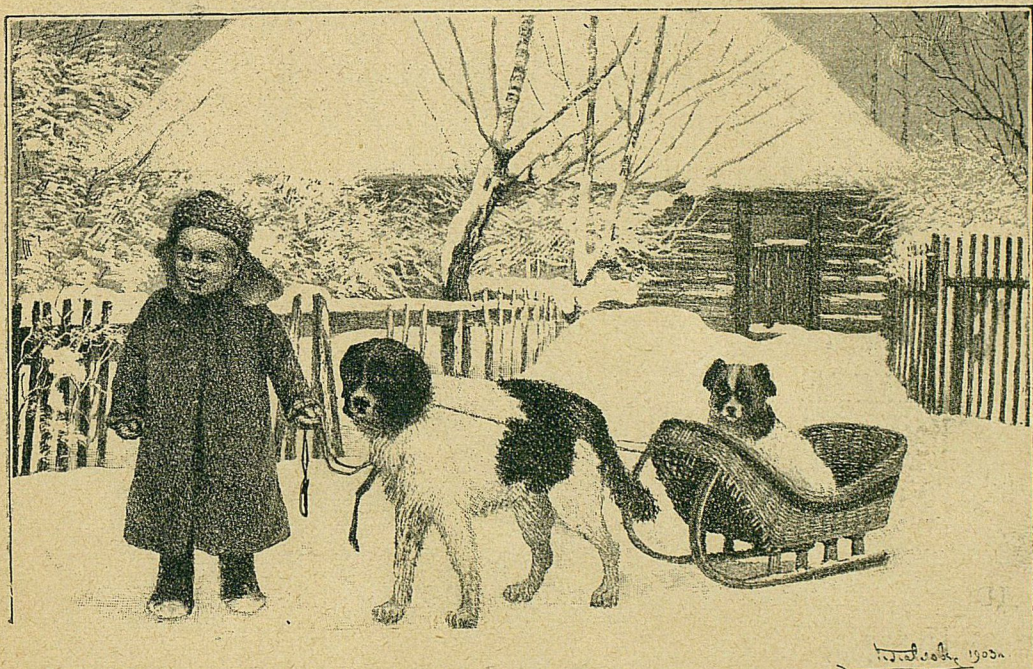

Мыльные пузыри.

Вотъ такъ мыльный пузырь!
Господинъ богатырь
Перламутромъ сверкаетъ пріятно.
То-то вотъ удалецъ,
Все растеть, молодець,
Все-то дуется, ширится знатно!
Хочетъ мыльный герой
Поровняться съ горой,

И летитъ, величаясь, побѣдно...
Налетѣлъ на листокъ
И осилить не могъ,—
Лопнулъ бѣдный, исчезнувъ безслѣдно.
Такъ-то мыльный пузырь,
Господинъ богатырь,
Онъ на солнцѣ играетъ да чванится.
Но внутри у него—
Нѣтъ какъ есть ничего,
Лопнетъ онъ,—ничего не останется!..

Лиллипутъ.

По первопутку.

„Пѣтушіі задоръ“.

Сцена на птичьемъ дворѣ.

дѣйствующія лица:

Дѣвочка Акуля.

Настоящій пѣтухъ. Умѣеть пѣть „куварегу“ и говорить стихи.

Бумажный пѣтухъ. Ничего не умѣеть.

Курочка, средняго возраста. Умѣеть восторгаться пѣтухомъ и падать въ обморокъ.

Настоящій пѣтухъ. Эй, ты, уродина, кто таковъ?

Бумажный пѣтухъ. Я—Петя-пѣтушокъ, золотой гребешокъ, масляна головушка!..

Настоящій пѣтухъ. (*Гнѣвно*). Что?.. Что?.. Ахъ, ты самозванецъ!

Курочка. Вотъ дерзкій!..

Бумажный пѣтухъ. Увѣряю васъ...

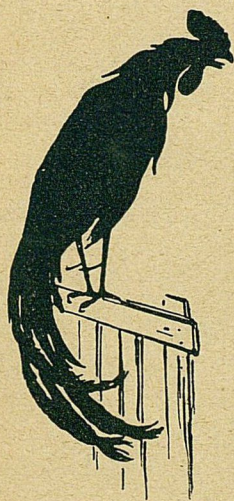
Настоящій пѣтухъ. А вотъ я тебя растреплю по вѣтру, такъ ты у меня поговоришь.

Бумажный пѣтухъ. Развѣ у васъ на птичьемъ дворѣ такъ доказываютъ правду?..

Курочка. Ахъ, я упаду въ обморокъ! Вотъ невѣжа!.. Съ нимъ невозможно говорить даже!

Бумажный пѣтухъ. Выслушайте меня. Это сказалъ мальчикъ Петя, который живетъ вонъ въ этомъ домѣ. Онъ такъ называлъ меня.

Настоящій пѣтухъ. А, знаю его. Онъ вырвалъ у меня какъ-то перо изъ хвоста! Но теперь мнѣ его жаль: онъ лежитъ больной!.. Однако, все-же истинный пѣтухъ — я... Одинъ я, слышите? А вы—самозванецъ; да, такой же самозванецъ, какъ и желѣзный пѣтухъ на колодцѣ!.. (*Танцуетъ, хлопая крыльями и щелкая шпорами, и поетъ*).

Ахъ, я Петя-пѣтушокъ,
 Какъ огонь, — мой гребешокъ,
 Голосъ чудный, голосъ звонкій,
 Ножки прямы, ножки тонки;
 Грудь на выкатѣ моя,
 Хвостъ—султаномъ... Вотъ такъ я!..
 Клювъ мой крѣпокъ, взоръ мой острый,
 А разряженъ весь я пестро...
 Я — красавецъ записной,
 Кто жъ сравнивается со мной?
 Нѣтъ меня на свѣтѣ краше,
 Люди цѣнятъ пѣнье наше,
 Мы и ночью на-чеку
 Со своимъ „кукареку“...

Знаете, господинъ самозванецъ, мнѣ стоить запѣть, какъ солнце встанетъ. А вы умѣете пѣть?

Бумажный пѣтухъ. (*Скромно*). Нѣтъ-съ.

Настоящій пѣтухъ. (*Строго*). А гдѣ у васъ хвостъ?

Бумажный пѣтухъ. (*Сконфузился*). Извините пожалуйста, изъ бумаги хвоста не выходитъ.

Настоящій пѣтухъ. Куда же вамъ со мной тягаться?..
Бумажный пѣтухъ. Да развѣ я говорю..
Настоящій пѣтухъ. Нѣтъ же!

Бумажный пѣтухъ. Однако..
Настоящій пѣтухъ. Все вздоръ!
Бумажный пѣтухъ. Послушайте..
Настоящій пѣтухъ. Слушайте сами, а я люблю говорить!..
Бумажный пѣтухъ. О!..
Настоящій пѣтухъ. Что?.. Что вы говорите? Вы, кажется, недовольны?..
Бумажный пѣтухъ. Но..
Настоящій пѣтухъ. Какое тамъ «но»?.. Развѣ вы смѣете мнѣ возражать?..

Бумажный пѣтухъ. Позвольте...

Настоящій пѣтухъ. Нѣтъ, нѣтъ, увольте, я ничего не намѣренъ позволять и прощать. (*Теребитъ его*). Вотъ же вамъ за дерзость, вотъ же вамъ!.. (*Рветъ его и разворачиваетъ бумагу*).

Бумажный пѣтухъ. (*Развернувшись въ листикъ бумаги*). Ахъ!..

(Вбѣгаетъ дѣвочка Акуля).

Акуля. Гдѣ бумажный пѣтухъ? Онъ слетѣлъ съ окна, а теперь Петя проснулся и плачетъ о немъ горько-разгорько!

Настоящій пѣтухъ. Вонъ эта дрянь валяется.

Акуля. Ахъ!..

Настоящій пѣтухъ. (*Гордо, съ достоинствомъ*).
Нда-съ! Это я его растеребилъ!..

Акуля. Ахъ, ты негодный!..

Настоящій пѣтухъ. Мерси.

Акуля. Иди, доложи объ этомъ Петѣ самъ.

Настоящій пѣтухъ. Благодарю васъ. Зайдите какъ-нибудь на-дняхъ. А я сейчасъ улетаю за границу нашего птичьяго двора!.. Гм!.. Удивительно, изъ-за всякой дряни беспокоятъ настоящаго живого пѣтуха... На что тебѣ эта дрянь?..

Акуля. Господи!.. Давеча тетя Таня свернула этого пѣтуха, и Петя часа два имъ игралъ. У

Киски въ театрѣ и смотрятъ страшную пьесу.

Киски въ театрѣ и смотрятъ веселую комедію.

него игрушекъ, небось нѣтъ... А пѣтушокъ-то славный!

Настоящій пѣтухъ. Неужели лучше меня?..

Акуля. Ей Богу, лучше! Не хвастаетъ, — это разъ; у ребятъ утѣхи не отнимаетъ, — два. А главное, — молчитъ и свое дѣло дѣлаетъ...

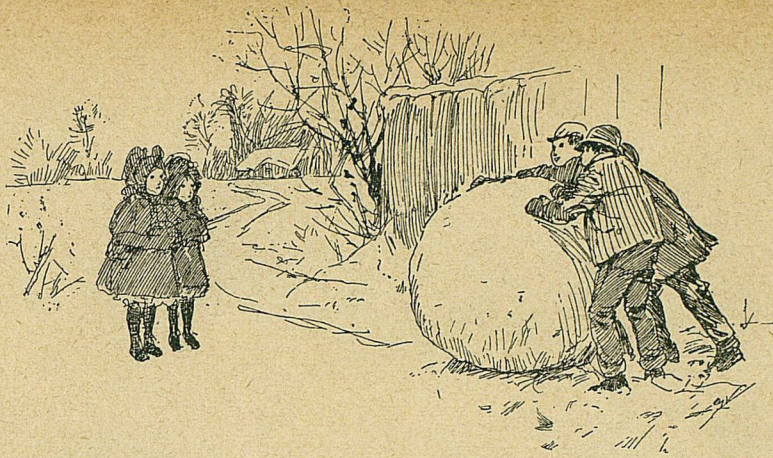
Настоящій пѣтухъ. О, невѣжество!.. Честь имѣю кланяться... Я лечу на сосѣдній дворъ...

Акуля. Эхъ, ты! За тебя деньги плачены, за тобой уходу сколько было, а ты за хлѣбъ, за соль такъ отплатить хочешь? Лети, лети, тамъ за заборомъ кухня господская. Живо въ супъ угодишь на ужинь...

Настоящій пѣтухъ. Гм... Вотъ положеніе!.. Дѣвчонка, а уговорила пѣтуха. Эй, ты, грубіянка!.. Ладно что ли, скажи пойдѣ своимъ хозяевамъ, что, молъ, я, такъ и быть, останусь пока что у нихъ до поры, до времени, до новаго мѣста... Только пожалуйста, ни супа изъ меня варить, ни жарить меня чтобъ и не думали. Я этого, милая, не люблю... Всего хорошаго! (*Поворачивается круто*). Госпожа курица, идемъ, нечего тутъ дѣлать!..

Акуля. (*Разводя руками*). Н-ну, исторія!..

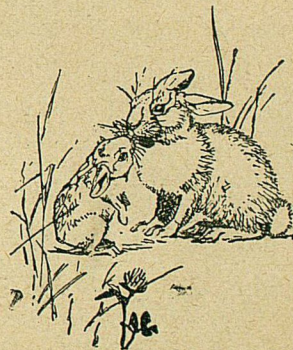
А. Федоровъ-Давыдовъ.

Первый снѣжокъ.

ПЕРВЫЙ пушистый снѣжокъ,
Взоры людей веселя,
Бѣлою скатертью легъ
На золотыя поля.
Заяцъ покинулъ оврагъ,
Радостно смотреть кругомъ...
Знать, стосковался бѣднякъ
Въ логовѣ мрачномъ своемъ...

Любо косому скакать,
Въ полѣ рѣзвиться спроста...
Экая здѣсь благодать!
Экая здѣсь красота!
По снѣгу заяцъ—скокъ-скокъ!—
Точно печатки кладетъ...
Бѣлый, пушистый снѣжокъ
Къ зайцу врага приведетъ!..

А. Гомолицкій.

Рождественская суматоха.

Работы къ елкѣ.

— **ВЪ** ВОЗДУХѢ пахнетъ елкой!.. — сказалъ какъ-то Витя, вернувшись изъ гимназій. И сказалъ правду. Не знаю, кажется, ничего особеннаго у насъ не случилось, а Рождество даетъ себя чувствовать. Вечерами, — ахъ, какіе это хорошіе вечера!.. — мы тайно собираемся въ общей комнатѣ, въ нашей бывшей „дѣтской“, за общимъ столомъ. Работы—пропасть!.. Изъ кладовой приносятъ коробокъ съ прошлогодними картонажами и разными украшеніями. Все это надо пересмотрѣть, починить, подкрасить, оклеить золотой или серебряной бумагой.

Дѣла — по горло!.. Спасибо еще, что къ намъ заходитъ нашъ лучшій другъ, худой, высокій господинъ, котораго мы зовемъ „дядя Хмъ“,—это потому, что онъ всегда, когда отвѣчаетъ на вопросъ, то начинаетъ такъ: — „Хм!.. Это было, изволите ли видѣть, вотъ когда“... Или:—„Хм!.. Вотъ не возьму я въ толкъ, какъ это орѣхи золотятъ“...

Дядя Хмъ много помогаетъ намъ, а то бы однимъ—ни за что не управиться.

Жизнь кипитъ по вечерамъ. Господи! Чего-чего только не переживаетъ у насъ на столахъ! Цѣлый маленькій мірокъ:

и люди - куколки, и лошади, и коровы, и экипажи, и дома, и кучеръ, у котораго нѣтъ головы, но который все-таки вытянулъ руки и гордо править тройкой, хотя и вожжей-то у него нѣтъ, и лошадь въ корню безъ передней ноги. Нужды нѣтъ, сядь только, такъ прокатить тебя, что мое почтеніе!..

Рождественская суматоха.

Мы почему любимъ работать съ дядей Хмъ? А вотъ почему. Онъ не любитъ покушныхъ игрушекъ, игръ, работъ.

— „Хм!.. Мудреное ли дѣло пойти да купить, — говариваль онъ частенько, — а ты вотъ самъ до всего достукайся!“

Насъ было пятеро ребятъ; сами знаете, съ такой компаніей не скоро справишься.

Все, что мнѣ удалось припомнить, я привожу здѣсь; можетъ статься, вы тоже захотите сдѣлать что-нибудь изъ этихъ вещей, такъ слушайте.

Жемчужный цвѣтокъ.

ДЛЯ этого красиваго, эффектнаго цвѣтка (рис. 1) мы брали обыкновенно бусинку, вида перламутра, которую закрѣпляли на проволоку. Эту бусинку мы окружали пышнымъ пучкомъ особой, существующей въ продажѣ нарѣзанной узенькими, волнистыми полосками фольги. Фольга бываетъ разныхъ цвѣтовъ, и каждый изъ насъ выбиралъ себѣ цвѣтъ по своему собственному вкусу.

Для того, чтобы жемчужинка и фольга держались на проволоку, надо снизу залить воскомъ, который тоже обернуть потомъ фольгой.

Ужъ ежели стали дѣлать такія жемчужины, такъ, конечно, нельзя остановиться отъ искушенія сдѣлать еще

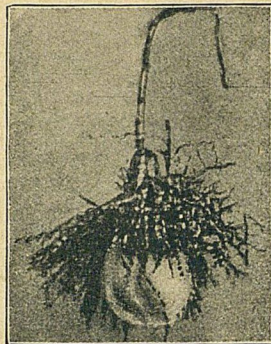

Рис. 1.

Шировникъ.

ВЗЯТЬ надо той же самой мелко изрѣзанной фольги и связать ее пучочкомъ. Затѣмъ вырѣзать изъ тонкой папиросной розовой бумаги пять лепестковъ, которыми окружить пучокъ фольги и закрѣпить воскомъ; затѣмъ взять чашечку отъ жолудя и воскомъ сравнять ее шероховатую поверхность. Лепестки съ пучочкомъ фольги (рис. 2) прикрѣпить къ этой чашечкѣ, которую хорошо бы окрасить темно-зеленой краской.

Рис. 2.

Звѣздочки изъ бусъ.

ПРОСТѢЙШАЯ работа изъ бусъ—это фигура 3. Надо запастись тонкой проволокой, на которую и нанизывать бусинки. Только вы пожалуйста не забудьте, что нельзя нанизывать бусы одного

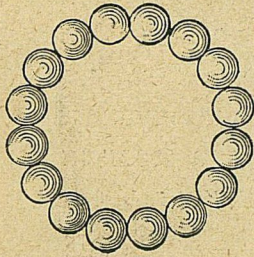

Рис. 3.

цвѣта или какъ попало; а вы лучше мѣняйте цвѣта: красная, зеленая, желтая, или красную и синей.

Болѣе сложная звѣздочка изображена на фиг. 4. Здѣсь надо

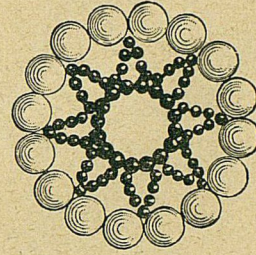

Рис. 4.

сначала нанизать кружокъ, потомъ сдѣлать внутреннюю звѣздочку, а углы ея проволокой же прикрѣпить, какъ показано на рисункѣ, къ проволокамъ большого круга, между бусинками.

Цѣпочка на елку изъ бусъ.

НЕ ХИТРА работа изъ стеклянныхъ бусъ разныхъ цвѣтовъ, формъ и величинъ. Имѣя подъ руками бусы и тонкую проволоку, можно дѣлать довольно красивыя и оригинальныя подѣлки, которыя очень пригодятся вамъ для елки.

Напримѣръ, рисунокъ 5 показываетъ, какъ можно устроить

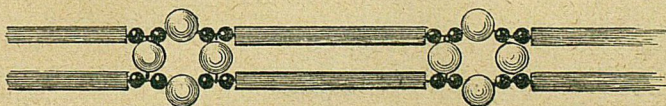

Рис. 5.

изъ бусъ цѣпочку для елочныхъ украшеній; какъ мѣнять цвѣта

бусинокъ видно изъ рисунка, такъ какъ каждый цвѣтъ отмѣченъ темнѣе другого, другой еще темнѣе.

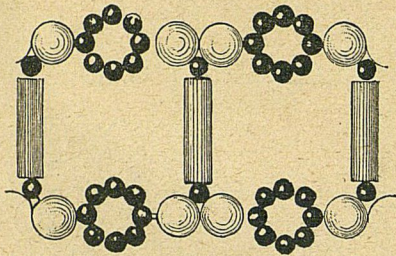

Рис. 6.

Фигуру каждаго звена, другая проволока соединяетъ отдѣльныя звенья въ одну цѣпочку.

Цвѣтокъ-сосулька.

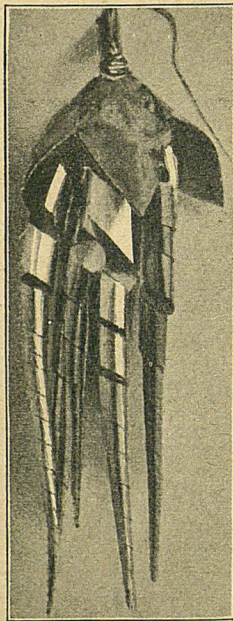

Рис. 7.

ЧТОБЫ сдѣлать этотъ цвѣтокъ (рис. 7), хорошо имѣть подъ руками золотую или серебряную бумагу. Нарѣзать ее полосками, утоншающимися къ одному концу. Затѣмъ надо эти полоски намотать круто-круто на вязальную спицу, а когда накрутишь, то взять за широкой конецъ ленточки и стягивать ее со спицы вдоль. Всѣ эти полоски широкими концами сшить вмѣстѣ. Затѣмъ, вырѣзать изъ темно-зеленой бумаги широкіе лепестки, какіе наверху этого цвѣтка; они должны закрыть собою сшитые концы полосокъ. Сосульки и эти самые лепестки прикрѣпить къ проволокѣ, которую обкрутить папирсной зеленой бумагой.

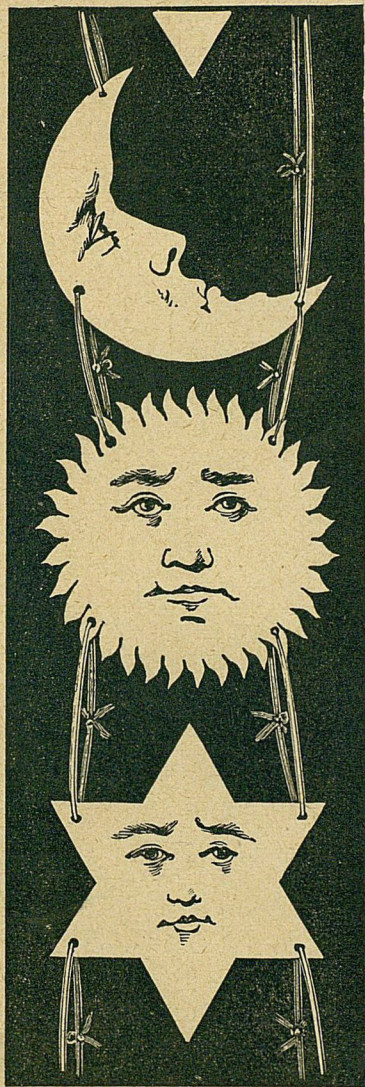

Рис. 8.

Оригинальная цѣпочка.

НЕ хотите ли сдѣлать хорошенькую цѣпочку для елки? Для нея немного надо матеріала: кусочки картона, старыя карты и т. под., золотая и серебряная бумага, ленточки—и все.

Дядя Хмъ самъ это выдумалъ. Вырѣзалъ онъ солнце, луну, звѣздочку; первое оклеилъ золотой бумагой, остальное — серебряной. Затѣмъ тушью (но можно и перомъ) нарисовалъ глаза, ротъ, носъ солнцу, лунѣ и звѣздочкѣ.

По приведенному рисунку 8 вы видите, какъ мы соединяли отдѣльныя части (звенья) цѣпочки, которая выходила очень красивая и крайне оригинальная.

Кузовокъ съ грибами.

КУЗОВОКЪ сдѣлать легко, а грибы—еще того легче.

Нѣтъ, правда, и мухоморовъ, и боровиковъ, и подосиниковъ, — всего надѣлаемъ. Кузовокъ мы дѣлали такъ. Вырѣзали круглое дно и верхнюю рамку,—кружокъ, который долженъ быть больше дна. Затѣмъ мы просверливали по краю

дна и въ верхнемъ кружкѣ дырочки на равномъ другъ отъ друга разстояніи; затѣмъ брали спички равной величины, обмакивали ихъ однимъ концомъ въ гумми-арабикъ и втыкали

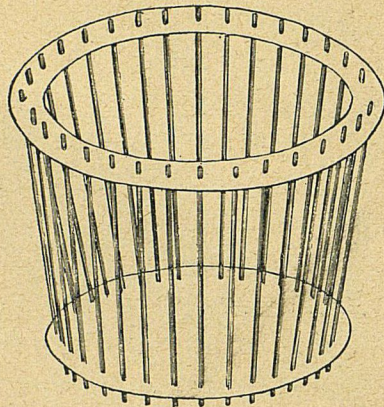

Рис. 9.

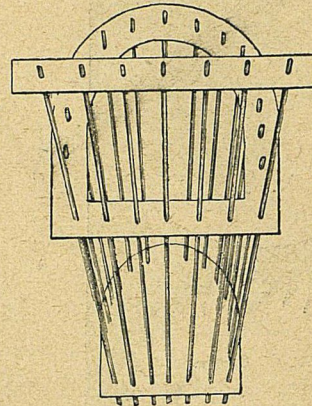

Рис. 10.

спичку за спичкой въ дырки дна, затѣмъ, когда клей высыхалъ, мы смазывали вершинки спичекъ тоже клеемъ и втыкали ихъ въ дырки, сдѣланныя на кружкѣ. И кузовокъ былъ у насъ готовъ.

Тогда мы набивали въ него моху, но не до самыхъ краевъ кузовка, а сверху на мохъ клали „грибы“.

Какъ же теперь сдѣлать грибы? Теперь зима, не пойдешь въ лѣсъ ихъ собирать. Такъ слушайте,—въ лѣсъ ходить и вамъ не придется, ихъ и такъ легко можно сдѣлать.

Грибы.

ВЫРѢЖЬТЕ изъ картона кружокъ съ ногой, положите на него кусочекъ ваты и затѣмъ обтяните его лоскуткомъ кумача, углы котораго снизу стяните ниткой въ нѣсколько стежковъ. Изъ кусочка бѣлой фланели сшейте продол-

говатый мѣшочекъ и набейте его ватой; нижній конецъ оклейте мохомъ,—вотъ вамъ грибной корешокъ; его вы пододышете къ грибной шляпкѣ снизу,—и у васъ получится грибокъ.

Не стѣсняйтесь пожалуйста тѣмъ, если у васъ найдутся лоскутки разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Все равно; конечно, такіе грибы никогда не растутъ, но

вѣдь вамъ и не надо, чтобы они росли,—лежали бы себѣ смиреннѣхонько въ кузовкѣ на елкѣ—и отлично.

Робинзонъ изъ еловыхъ шишекъ.

НО лучшею игрушкою считали мы вотъ этого самаго Робинзона (рис. 11). Какъ ни странно, но такого господина мы начинали дѣлать съ дощечки, которая у него подъ ногами.

Оно понятно почему, и Робинзону нечего было обижаться на насъ за это.

Въ дощечку мы вбивали снизу два гвоздя, такъ что они проходили насквозь. Брала мы двѣ тоненькія еловыя шишки и насаживали ихъ на эти гвозди. Значитъ, двѣ ножки у Робинзона были готовы. Изъ глины мы лѣпили два пирожка, которые служили ступнями ногъ Робинзону, такъ сказать, были сапожками его. Туловище его мы вылѣпляли изъ глины; двѣ маленькія шишки замѣняли руки. Чтобы удержать ихъ, черезъ туловище въ плечахъ протыкали палочку такой длины, что изъ каждаго

плеча высывалось по кончику; въ шишкахъ мы просверливали

Рис. 11.

дырки, капали туда столярнаго клею и насаживали шишки на концы палочки. Голову вылѣпляли изъ глины же; но чтобы она сидѣла крѣпко, пропускали деревянную спичку черезъ нее и втыкали въ туловище. На голову надѣвали шапку, — тоже еловую шишку, у которой выдалбливали въ ея нижнемъ концѣ углубленіе, смачивали глиняную голову и крѣпко надвигали на нее шишкушапку. вмѣсто глазъ втискивали мы два уголька или двѣ черныя бисеринки. Кисти рукъ можно или вылѣпить тоже изъ глины, или взять два мелкихъ корешка хрѣна. На правую руку мы вѣшали ему лукъ. Когда глина высыхала, то мы оклеивали его сплошь обыкновеннымъ зеленымъ мохомъ, а для бороды и волосъ наклеивали пряди сѣдого моха.

Цвѣты на елку.

НЕ ХИТРО было сдѣлать и цвѣты на елку, а между тѣмъ они замѣчательно красивы на темной хвоѣ еловыхъ вѣтвей. Брали мы бѣлую плотную бумагу и вырѣзывали изъ нея фигуру (рис. 12); можно оставить ее такого же размѣра или сдѣлать нѣсколько большаго размѣра. Зубчиковъ можно вырѣзать и четыре, и пять, и шесть. На

одной сторонѣ лепестковъ писали мы разныя изреченія или стихи,—напримѣръ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“; „Рождество пришло веселое!.. Полно, сердца не круши: позабудь ты все тяжелое и разсмѣйся отъ души“; „Поздравляемъ съ праздникомъ“, и т. под.

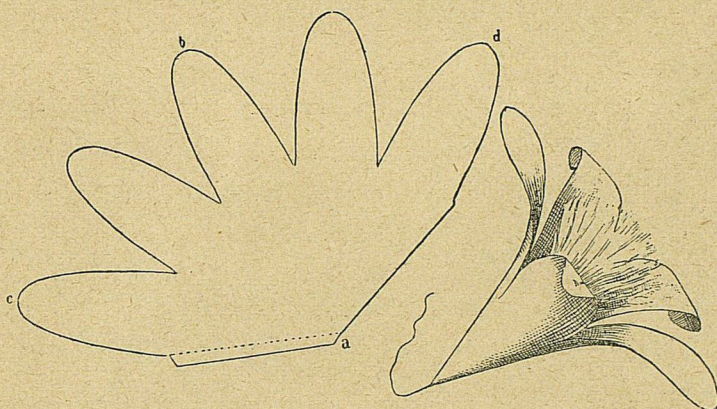
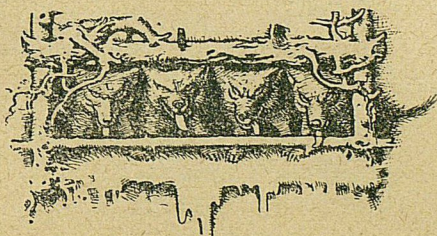
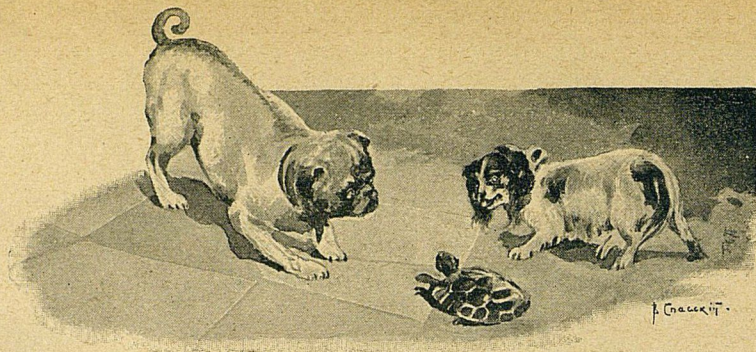

Рис. 12.

Затѣмъ мы дѣлали сердцевину цвѣтка,—небольшую пушистую кисточку изъ шерсти, которую расчесывали гребенкой; низъ у кисточки скручивали тонкой проволокой, затѣмъ свертывали вырѣзанные лепестки фунтикомъ и пришивали край *a*, который отмѣченъ пунктирной линіей къ боку. Проволоку отъ кисточки продергивали черезъ вершину конусика, втягивали въ него кисточку; высунувшійся конецъ проволоки нуженъ для того, чтобы прикрѣплять къ вѣткѣ елки...

Радости и страданія черепахи Кики.

(Продолженіе. См. № 22).

РАЗЪ собрались гости и усѣлись за столомъ, въ той самой комнатѣ, гдѣ стоялъ аквариумъ. Водяной народъ въ аквариумѣ столпился у стеколь аквариума, а Кика вскарабкалась на горшочекъ съ цвѣтами на углу аквариума, чтобы оттуда удобнѣе наблюдать за всѣмъ происходящимъ.

— Ахъ, и Лидія Николаевна пріѣхала! — крикнула она и вдругъ не сдержалась и грохнулась на полъ, какъ всегда.

Всѣ оглянулись, и не успѣла Кика опомниться, какъ надъ нею, заливаясь лаемъ, наклонились двѣ собаки, Буська и мопсъ Молли.

— Это наша!—лаяла Буська.—Она у моей барыни жила, у Лидіи Николаевны!

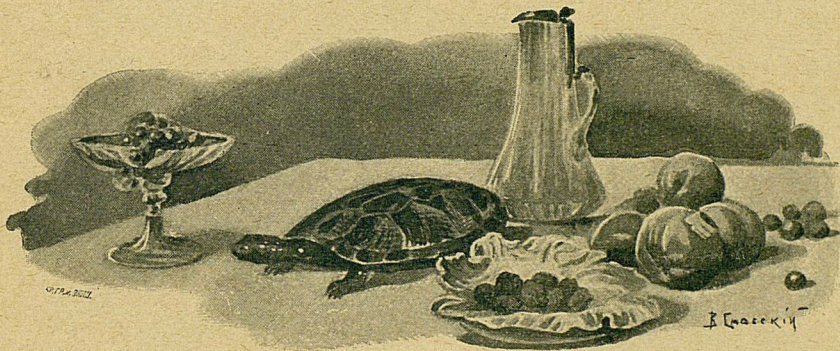
— Ужасно противная,—отлаивалась Молли,—и я ее ужасно боюсь.

— Ахъ, какіе пустяки!—воскликнула Бусь-

ка.—Я ее ношу какъ поноску. Хотите? Эй, ты, черепашина, подбирай ноги!..

И не успѣла Кика съежиться подь щиткомъ, какъ Буська ухватила ее пастью поперекъ тѣла и торжественно поднесла къ своей хозяйкѣ. А Лидія Николаевна подняла Кикку и положила на столъ. Да, да, это знаютъ всѣ, это видѣла и Молли, и тотъ же попугай Кузя, и Тритошка, всползшій на гротъ.

Какова честь! Каково вниманіе этой неуклюжей штукѣ!.. Скажите пожалуйста!

А Кика важно, съ достоинствомъ шлепала по бѣлой скатерти, среди вазочекъ съ конфетами, печеньями, безстрашно макая лапы въ блюдечки съ вареньемъ. Батюшки, какъ все для нея было необыкновенно!

Представьте себѣ бѣлое-бѣлое поле. На немъ огромныя вазы съ ѣдой, чашки, корзинки, а кругомъ—круглыя, большія лица, съ мигающими

глазами, съ смѣющимися губами; у нѣкоторыхъ даже валилъ клубами дымъ изо рта.

Кика была чрезвычайно довольна, но только куда она ни совалась, отовсюду ее гнали, и никто ее не бралъ на руки. А когда кто-то еще постучалъ ее по панцырю, Кика свѣту не взвидѣла и бросилась наугадъ, прямокомъ на барышню Марью Ивановну; Марья Ивановна съ шумомъ выбѣжала изъ-за стола, и Кика еще разъ шлепнулась на полъ.

— Бросьте вы ее въ акваріумъ, — услышала она тутъ же голосъ человѣка, котораго звали папой и у котораго изо рта шелъ дымъ отъ папирасы.

И Кикѣ бросили въ воду. Всѣ забросали ее вопросами:— «Ну, какъ? Что вы? Что съ вами? А?»

А Кика еле дышала и всю вину сваливала на не-сносную Буську, которая изъ-за кусочка сахара готова была всякую непри-ятность сдѣлать безобид-ной черепахѣ.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мой истый другъ.

ЭТО случилось прошлой зимой. Волки сильно тревожили людей; они по ночамъ стаями забѣгали въ поселки и воемъ пугали людей и животныхъ. Бывало, что волки забирались во дворъ и нападали на лошадей.

Меня три деревни и пригласили избавить ихъ отъ волковъ. У меня была славная собака Динго; красавецъ, а не песъ былъ.

Я привезъ съ собою много стальныхъ капкановъ; у нихъ были сильныя пружины; когда они захлопывались, то ихъ можно было отпереть только особымъ ключемъ.

Разъ подь - вечеръ я подѣхалъ верхомъ осмотрѣть ихъ, а Динго оставилъ дома. Къ ночи волки становятся болѣе дерзкими и храбрыми; я-то на лошади всегда могъ ускокать отъ нихъ, а Динго волки могли растерзать.

Въ сумерки я подѣхалъ къ разставленнымъ капканамъ; сошелъ съ лошади и сталъ разгребать снѣгъ вокругъ капкана.

Стало жарко, я снялъ кафтанъ и откинулъ его въ сторону. Не знаю, какъ это вышло, но я неосторожно сунулъ руку въ капканъ. Капканъ щелкнулъ и стиснулъ зубцами мою руку.

Итакъ, я самъ попался въ капканъ. Разжать его руками я не могъ, а ключъ отъ капкана былъ въ кафтанѣ...

Тогда я сталъ пытаться достать его рукой или ногой; но никакъ не могъ этого сдѣлать. И вдругъ, шаря ногой, я попалъ ею въ сосѣдній капканъ. Другой капканъ тоже щелкнулъ и захлопнулъ мою ногу. Теперь я былъ совершенно въ плѣну; я лежалъ на груди и уже не могъ двигаться.

„Что-то будетъ со мной!“ — тоскливо раздумывалъ я.

Искать меня не станутъ,—я часто уѣзжалъ на цѣлую ночь изъ деревни“.

Становилось холодно, морозъ крѣпчалъ. Меня знобило, и рука какъ-то занывала. Конь мой изумленно смотрѣлъ на меня и слегка похрапывалъ.

Вдругъ онъ сталъ бить ногой о землю, захрапѣлъ, раздулъ ноздри и бросился ближе ко мнѣ... Я услышалъ отдаленный вой волка... За нимъ завылъ другой, третій... Мнѣ чудилось, что волки окружаютъ меня кольцомъ... И точно, вскорѣ я увидѣлъ ихъ силуэты въ сумракѣ, на бѣломъ фонѣ снѣга. Робко и осторожно подходили они все ближе и ближе и усаживались вокругъ меня. Я крикнулъ во весь голосъ; стая испуганно отскочила назадъ, но потомъ снова стала надвигаться на меня. Бѣдный конь мой весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и бѣшено билъ по землѣ копытомъ... Силы измѣняли мнѣ... Отчаяніе меня душило. А волки становились все смѣлѣе и смѣлѣе; я уже различалъ ихъ страшныя пасти, ихъ огненные глаза... Какъ вдругъ изъ мрака выскочилъ огромный, черный волкъ съ отчаяннымъ воемъ. Вся стая разомъ разсыпалась по равнинѣ, а новый волкъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мнѣ щеку и ухо, и косматая, черная голова нѣжно прижалась ко мнѣ.

— Динго!.. Динго!.. Это ты, мой милый, добрый Динго!.. Не помня себя отъ радости, я плакалъ даже.

— О, Динго!.. Динго!.. Дай мнѣ кафтанъ, скорѣе!..

Динго понялъ, что мнѣ чего-то надо. Онъ побѣгалъ вокругъ меня и схватилъ зубами ружье.

— Нѣтъ, не то, Динго!..—покачалъ я головой.—Кафтанъ, понимаешь, Динго... каф-танъ!..

Динго долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза, потомъ схватилъ зубами мою шапку и принесъ ее мнѣ... Я опять покачалъ головой, — тогда онъ вдругъ весело залаялъ и приволокъ мнѣ кафтанъ. И когда я закивалъ ему головой и сказалъ:—„Такъ, такъ, Динго!“...—онъ былъ внѣ себя отъ радости.

Я живо отперъ ключемъ капканы, одѣлъ кафтанъ, сѣлъ на коня и поскакалъ домой...

Динго бросился за мной... Но дорогой онъ отсталъ и исчезъ въ сумракѣ... Я понялъ,—онъ услышалъ вой волчьей стаи и побѣжалъ прогнать ихъ отъ меня.

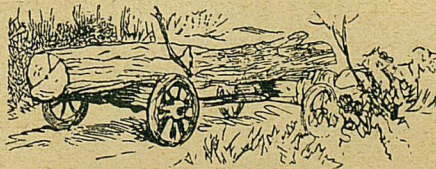
Дома мнѣ рассказали, что Динго безъ меня точно съ ума сошелъ: съ воемъ и визгомъ бѣгалъ по улицѣ, не слушался никого, а въ сумеркахъ вдругъ пропалъ неизвестно куда.

Той же ночью я лежалъ на полу и дремалъ, когда услышалъ царапанье въ дверь. Я всталъ и отперъ... У порога, въ снѣгу лежалъ, вытянувшись, бѣдный Динго... Снѣгъ вокругъ него былъ окровавленъ. Весь изгрызанный, испаранный волками, — онъ все-же не забылъ меня; онъ приползъ ко мнѣ, чтобы умереть на моихъ глазахъ...

— Динго!.. Мой милый Динго!..—сказалъ я, и онъ радостно, но еле-еле шевельнулъ хвостомъ.

Но я выходилъ его, хоть и съ трудомъ. И теперь мы съ Динго—неразрывные друзья.

Изъ Томсона Д.

Позоръ господина Такки.

МАЛЕНЬКІЙ таксъ, задира страшный, по прозвищу Такки, увидѣлъ на крыльцѣ ихъ дома спящаго бульдога. Можете представить, — развалился невѣжа и спитъ да еще храпитъ на всю улицу.

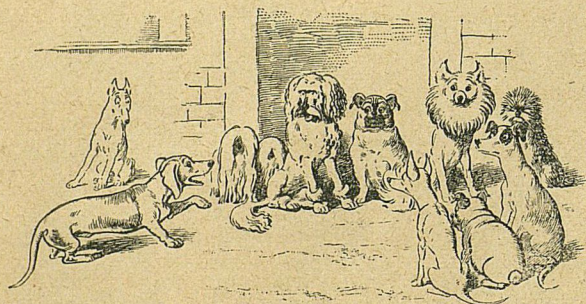
Такки былъ возмущенъ...

„Я его, ужъ я его!.. — зарычалъ. — Погоди ужо!“ ...

Когда Такки бывалъ сердитъ, онъ чувствовалъ себя героемъ; когда же бывалъ виноватъ, то притворялся глубоко обиженнымъ.

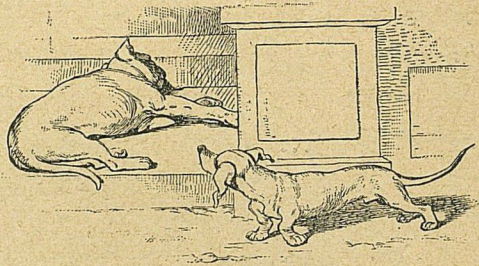
Онъ ходилъ съ полчаса, сзывая собакъ со всѣхъ сосѣднихъ дворовъ.

Цѣлый десятокъ ихъ сбѣжался отовсюду. А Такки началъ рассказывать. О, какъ онъ былъ краснорѣчивъ! Шерстка дыбомъ становилась у всѣхъ... И всѣ потихоньку, но сердито рычали...

— Да оставь его! — сказалъ старый Барбось таксу. — Отоспится бродяга и уйдетъ; чего ты въ это дѣло ввязываешься? Грѣхъ его не великъ.

— Вотъ прекрасно! — возмущался Такки, и даже хвостикъ его дрожалъ отъ волненія. — Дѣло не въ томъ, что онъ спитъ на ступенькѣ; нѣтъ, но какъ онъ смѣлъ, нахаль?.. — А по-моему, — оставь!..

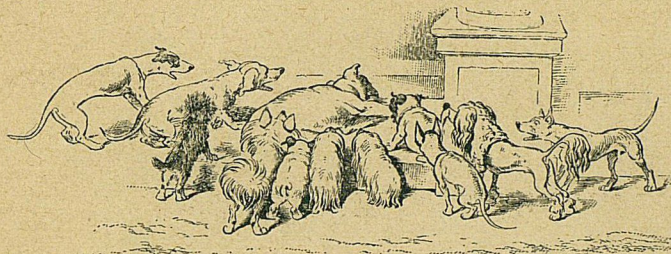
— Ну, вѣтъ!.. Теперь ужъ ни за что! Я его проучу!.. Я ему, задамъ!.. О, господа, вы это сами увидите!.. Да-съ... Идемте...

Цѣлое шествіе образовалось у благородно возмущенныхъ собакъ, и Такки шелъ впереди, и какъ шелъ!

О, сколько достоинства было въ каждомъ его шагѣ, сколько благородства въ высоко поднятомъ хвостикѣ!.. Ему и всѣмъ его спутникамъ было прямо-таки страшно за бульдога... Каково ему, будетъ бѣднягѣ? Но впрочемъ, это подѣломъ... Не спи не въ указанномъ мѣстѣ.

Пришли, наконецъ...

— Милостивый государь!..

— Вы должны встать.

— Проснитесь.

— Невѣжа!..

— Вонъ!..

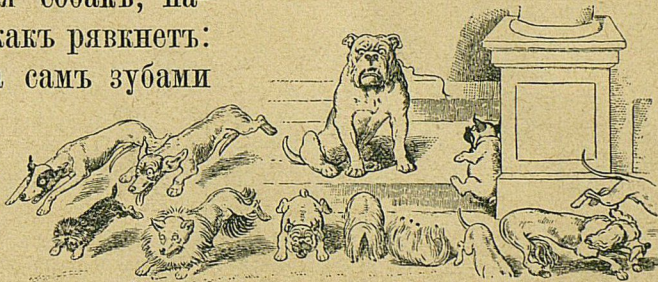
О, это было

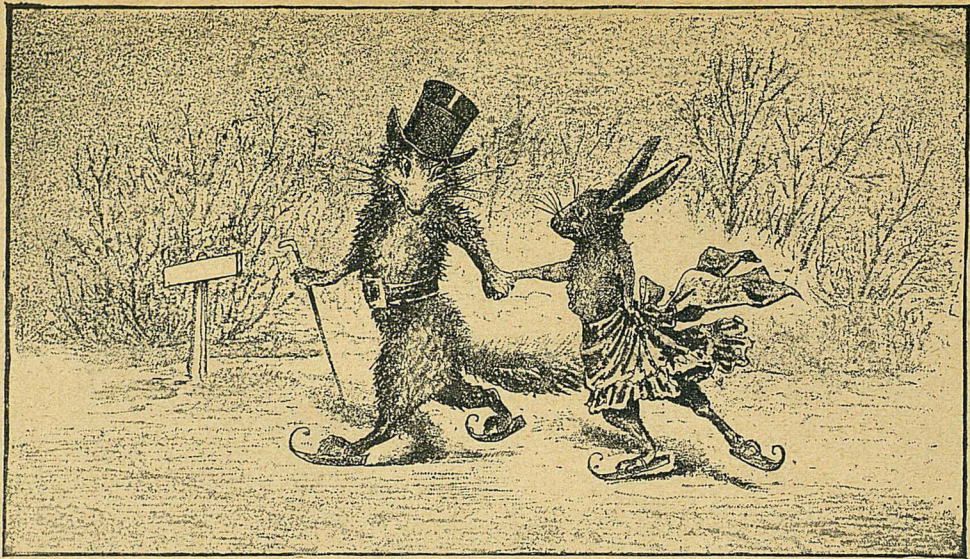
такое страшное нападеніе, что цѣлое войско, кажется, не выдержало бы!..

И вдругъ... Бульдогъ раскрылъ глаза и изумленно оглянулъ столпившихся собакъ, нахмурилъ брови да какъ рявкнетъ:

— „Чего-съ?“ ... — а самъ зубами —щелкъ-щелкъ!..

Что было дальше, — вы видите сами... Но надо отдать справедливость Такки, — онъ бѣжалъ впереди всѣхъ...

Ужасная исторія.

ЗАИНКА сердечная,
Всюду не ходи,
За собой, родимая,
Въ оба ты гляди.
Нась обидѣть трудно ли? —
Всѣ намъ господа,
Всѣ на насъ охотятся,
Всюду ждетъ бѣда!..
Зайнка не слушалась,
Все:— „Хи, хи, хи, хи!“...
Подвязала къ лапочкамъ
Легкіе коньки
Да по рѣчкѣ вздумала
Покататься вельсать...
Тутъ и приключилася

Съ зайнкой напасть...
Жадный лись къ ней выскочилъ:
— „Ну, иди за мной,
„И тебя я скушаю,
„Какъ придемъ домой!“...
Зайнка расплакалась:
— „Ахъ, мнѣ жизни жаль!“...
Но ведетъ за ланочку
Лись бѣдняжку вдаль...
Хорошо, что встрѣтился
Имъ зубастый волкъ.
Увидалъ добычу онъ
И зубами — щелкъ!
Волкъ и лись заспорили,
Начали кричать,
Говорили, vzdорили,—

Точно вспоминать...
 Не дремала зайнка,
 Скинула коньки
 Да какъ въ лёсъ припустится, —
 Это ей съ руки!..
 Слово въ глоткѣ замерло
 У лисенка тутъ, —
 Волкъъ зубами ляскаетъ:
 — „Ахъ, я старый плутъ!“ ...
 Возвратилась зайнка
 Въ норку забралась,
 Отдышалась съ ужаса,

Чаю напилась
 И надъ норкой крохотной
 Написала такъ:
 „Доля зайки—горькая, —
 „Всюду врагъ да врагъ...
 „Никогда ты съ встрѣчными
 „Въ дружбу не вступай, —
 „А въ бѣдѣ-опасности
 „Даромъ не зѣвай!“ ...

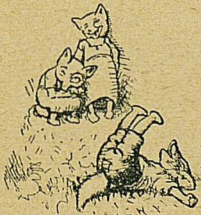
Т. Р.

ВЪСТОЧКА ОТЪ „СВѢТЛЯЧКА“

СВѢТЛЯЧКАМЪ-ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ЕЩЕ одинъ номеръ, и «Свѣтлячокъ» скажетъ вамъ „до-свиданія“ до Новаго года. Еще годъ работы совершилъ онъ, но по-прежнему не хочетъ знать, что такое значитъ ка-кая-нибудь усталость, потому что онъ дороже всего цѣнитъ добрыя отношенія и довѣрiе къ нему его читателей. Онъ только на-время уходитъ въ свою норку, — знаете, подъ густыми папоротниками, — чтобы приготовиться къ но-вой работѣ, осмотрѣть хоро-шенько то, что заготовилъ

онъ своимъ истымъ друзьямъ, чтобы съ честью выйти навстрѣчу тѣмъ изъ васъ, которые платятъ ему за его любовь взаимностью.

Вмѣстѣ съ „Свѣтлячкомъ“ выражаютъ вамъ за ваше вниманіе свою искреннюю признательность шестнадцать сѣрыхъ и бѣлыхъ мышей, двадцать четыре луноглазыхъ лягушки, восемь галчатъ, два котика-мурлышки и безъ счету воробьевъ, куръ, утокъ, скворчиковъ, Кума-Лиса и Петя-Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ-Масляна-Головушка...

Ходитъ Петя-Пѣтушокъ,

Молвить, сѣвъ на вышку:

— „О себѣ я въ „Свѣтлячокъ“

„Сказокъ отдалъ книжку!“ ...

— „Все бы хвастать пѣтушку, —

Лисанька сказала: —

„Да и я, чай, „Свѣтлячку“

„Сказокъ насакала“ ...

И „Петрушка“, сморщивъ носъ,

Говорить: — „Эхъ, славно!

„Въ „Свѣтлячокъ“ и я принесъ

„Свой театръ забавный!“ ...

Вы видите, какъ они дружно стараются. Это потому, что они удивительно симпатичные господа, и я очень радъ, что мнѣ пришлось лично познакомиться съ ними.

Въ теченіе года вы много разъ благодарили „Свѣтлячка“ за его работу, позвольте же теперь и ему выразить отъ души свою благодарность за ваше участіе къ нему и его полусказочному мірку, гдѣ каждый живетъ какъ ему угодно, и дышетъ свободно полной грудью, потому что самъ не хочетъ дѣлать дурного никому. Всего вамъ добраго и веселаго Рождества!

Любящій васъ „Свѣтлячокъ“.

„Рождественскій дѣдушка“.